
В.Я. Петрухин

ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ: ПЛЕМЕННОЙ КОНФЛИКТ, ДОГОВОР И НАЧАЛО ГОРОДСКОГО ПРАВА

Конфликтная ситуация характерна для эпохи урбанизации. Городские общины (коммуны, гильдии западноевропейских городов) не были объединены кровным (племенным) родством: для преодоления межплеменных конфликтов и проблем, связанных со становлением государственной власти, требовались договорные (пакт) отношения, скрепленные присягой (*conjuratio*). В древнерусской традиции такой клятве соответствовал *ряд*, упомянутый в летописном призывании князей (В.Т. Пашуто). Новгородская Первая летопись отражает позднейшую редакцию, сокращающую легенду о призывании варягов Повести временных лет, но не реконструируемый «Начальный свод». Продолжением ряда можно считать даннические отношения *руси* (княжеской дружины) и славян в описании Константина Багрянородного – это были отношения «реципрокности» – обмена услугами (*feast of merit*, в терминах социальной антропологии), когда славяне не просто поставляли, а продавали строительный лес руси, чья власть в середине X в. еще была ориентирована на контроль над водными магистралями и сосредоточивалась в Киеве на Днепре. В этом отношении термин *пактиоты* (от *пактов*, лат. *pactum*), используемый для славянских данников у Константина Багрянородного, может означать «платящие дань по договору, пакту» (ср. о пакте как договоре в работах Эксле и др.). Существенно, что центрами, где формируются эти отношения со славянами-пактиотами, были славянские города – Новгород/Немогард (у Константина Багрянородного), Смоленск/Милински и т. д. вплоть до центра «всей Руси» – Киева. В типологическом аспекте при изучении процессов урбанизации «особое значение... имеют те группы, которые возникают не на почве родства, а на основе согласия и договора», архаичного устного права (Эксле). Контроль над трансконтинентальными коммуникациями и стоящими на них городами не мог основываться на завоевании: необходимо было договариваться с местным населением. На Руси это относится и к договорным отношениям между многоэтническим населением древнейших городов и властью древнерусских князей, опирающейся на ряд с дружиной – *русью*.

Ключевые слова: урбанизация, социальные конфликты, городская община, князь, ряд, договор

Архетипический конфликт в начале ПВЛ и начале русской истории изображается как усобицы между «родо-племенными» объединениями, изгнавшими варягов: «и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ» (ПВЛ. С. 13)¹. Редактировавший Начальную летопись составитель Н1мл, который использовал византийскую хронографическую традицию (Вилкул 2019), заменил «родъ» на «град»: изгнавшие варягов «начаша владѣти сами собѣ и *города ставити. ...и вѣсташа град на град*, и не бѣше в нихъ правды» (НПЛ. С. 106; здесь и далее в цитатах курсив мой. – В. П.). В Ипатьевской редакции Начальной летописи инициатива строительства городов приписывается призванному варяжскому князю: по смерти легендарных братьев «прия Рюрик власть всю одинъ... и сруби город надъ Волховом, и прозваша ѿ Новѣгород... и *раздая мужемъ своимъ волости и города рубити*: овому Польтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницѣ варязи; пѣрвии населници (чтение Хлебниковского списка. – В. П.) в Новѣгородѣ словенѣ, и в Полотѣскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Показательно, что новгородский летописец изначально (до призвания князей!) наделяет собственной властью «племена» новгородской округи: «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыче» (НПЛ. С. 106). Эта конструкция соответствует фразе из изъятého в Н1мл космографического введения ПВЛ: «по сихъ братѣи (Кий, Щек и Хорив – В. П.) держати почаша родъ ихъ *княженъе* в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣне свое в Новѣгородѣ, а другое (пропуск упоминания кривичей – В. П.) на Полотѣ» и т.д. (ПВЛ. С. 10). Новгородская традиция настаивает на первенстве «родоплеменной» волости, предшествующей княжению.

Попытки соотнести летописные данные об основании городов с археологическими реалиями нашли недавно обнадеживающее подтверждение: следы древнейших укреплений Новгородского («Рюрикова») городища датируются временем летописного призвания варягов (Хвошинская 2021). По давнему предположению В.Л. Янина (2007), Городище могло быть древнейшим ядром Новгорода. Начало прочих «племенных» городов нуждается в дальнейших изысканиях: для летописной традиции существенно, что варяги – «находници» в племенных городах, «а пѣрвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотѣски кривичи» и т.д. (ПВЛ. С. 13). При этом историческая конструкция Ипатьевской летописи со времен В.О. Ключевского провоцирует на выводы о нор-

¹ Лаврентьевская редакция начальной летописи в этом фрагменте совпадает с Ипатьевской (ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14).

маннском завоевании Восточной Европы, тем более что схожим образом характеризуется нормандское завоевание Англии: «Англосаксонская хроника» сообщает под 1067 г. о том, что норманны Вильгельма Завоевателя «строили повсюду замки и терзали несчастных людей» (ср.: Англосаксонская хроника. С. 133). В летописном контексте, однако, слова «раздая мужемъ своим волости и города рубити» представляются вставкой в ранний текст, сохраненный Лаврентьевской редакцией: «раздая мужемъ своим грады, овому Полотескъ» и т.д.

Для новгородской традиции княжеская парадигма процесса урбанизации неприемлема. Текст новгородской летописи о неурядицах накануне призвания варягов и «становлении» городов передает, однако, не местную традицию о «городах» – предшественниках новгородских концов, а библейский тоpos, донесенный до летописи не прямо книгой Паралипоменон, а псевдоэпиграфом Малое Бытие через хронограф (Книга Юбилеев – см.: Петрухин 2018). Текст Н1мл о раздаче Рюриком городов своим мужам опущен, и только наследник Рюрика Игорь, переместившийся в основанный полянами Киев, оттуда «нача грады ставити» (НПЛ. С. 107). Вместе с тем ПВЛ действительно апеллирует к актуальной для Новгорода и его летописания проблеме становления городов и городского права, о чем пионерская работа В.Т. Пашуто (Пашуто 1965; см.: Петрухин 2020а); см. развитие этой концепции у В.Л. Янина (2007; см.: Петрухин 2020б).

В сюжете о призвании варягов к правовой составляющей относится формулировка о призвании князей «по ряду, по праву». Эта формулировка принадлежит Ипатьевской редакции Начальной летописи, для лексики которой в целом характерно употребление термина *ряд*, и соотносится с формулой Н1мл: «князя поищемъ, иже бы владѣль нами и *рядиль ны по праву*» (НПЛ. С. 106). Легенда о призвании в Ипатьевской летописи включает информацию о градах, где «города рубити» стали не местные племена, а призванные варяги (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14). Эта градообразовательная инициатива княжеской власти была неприемлема для вечевой новгородской традиции: даже Киев, уподобившийся в предисловии к Н1мл Риму и Александрии, был основан всеми полянскими братьями и лишь назван в честь старейшего, «род их» остался княжить в Киеве. В ПВЛ сюжет основания Киева отнесен к доисторическим временам расселения славянских и других племен (в космографическом введении к летописи) и продолжается сюжетом об установлении хазарской дани с киевских полян. Рассказу о хазарской дани предшествует краткое замечание о конфликте полян с окрестными племенами – древлянами «и инѣми»; конфликт увязан в летописи со смертью братьев, основавших Киев (ПВЛ. С. 11). Эти известия не соединяют напрямую конфликты с

древлянами и хазарами с процессом градообразования: конфликт с древлянами очевидным образом основывается на архаическом племенном противопоставлении «смысленных» полян и живущих в лесах «звериньским образом» древлян и «иных». Так или иначе, дальнейшая история начального Киева увязывается с процессом *переговоров* о власти над городом, относящихся уже к историческому – древнерусскому – периоду, когда городом овладевают русские князья.

Вопрос о том, насколько летописные предания отражали исторические (доисторические) «реалии», традиционно соотносим с данными археологии, проблемами расселения славян – основного населения древнерусских городов. На юге Киев размещается в пограничье Среднего Днепра с правобережной славянской культурой Луки Райковецкой и левобережной (полянкой?) волынцевской культурой (прямо отражающей воздействие Хазарского каганата – ср.: Петрухин 1995. С. 85–98). На севере для всей Новгородской земли предполагается чересполосное расселение словен и кривичей (Янин 2007; Конечский 2022. С. 98–126), в Ладоге, выделяемой Ипатьевской летописью «первой столице» Рюрика, концентрировались выходцы из разных регионов Балтики (Петрухин 2018). Естественной была концентрация разноплеменного населения в городах, формирующихся на трансконтинентальной магистрали – «пути из Варяг в Греки» как на севере (Новгород), так и на юге Руси (в Киеве); городская община как «самоорганизующееся сообщество» повсюду преодолевала конфликтные ситуации и племенную замкнутость (Уваров, Попова 2018).

Первопроходцами на этом пути ПВЛ изображает варягов Аскольда и Дира, старших дружинников – «бояр» призванного в Новгород Рюрика, которые отпросились в поход на Царьград. Добравшись до «малого градка» Киева они инициировали переговорный процесс: «Чий се градокъ?» Поляне отвечали, что принадлежат к «роду» братьев – основателей Киева и после их смерти платят дань хазарам. Варяги остаются в *выморочном* городе и овладевают всей «польскою землею» (ПВЛ. С. 13). В Н1мл, демонстративно отделяющей начальную историю Новгорода от истории Киева (НПЛ. С. 106), рассказ о варягах Аскольде и Дире искусственно присовокуплен к легенде о хазарской дани (с невнятным примечанием «мы на преднее возвратимся»), а варяги Рюрика «нарекостася князема» – наследниками киевских братьев, что породило в «альтернативной» историографии киевскую генеалогию находников-варягов. Соотношение двух текстов, дискутируемое в связи с представлениями о начальном летописании, осложняется чересполосицей в употреблении двойственного, множественного и единственного числа в описании походов по «пути из Варяг в Греки» (ср. в ПВЛ. С. 13: «Иде Аскольдъ и Диръ на

греки»), понижением статуса князя Олега до воеводы Игоря. Это порождает проблемы с генеалогией первых русских князей². Более аргументированной следует признать конструкцию ПВЛ, согласно которой Олег и Игорь «придоста» к горам киевским, «и увѣда Олегъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита». Олег (с младенцем Игорем) прикидывается под Киевом купцом («гость есмь») равным по статусу и (варяжскому) происхождению Аскольду и Диру, призывая их прийти (на торг?) «к намъ *к родомъ своимъ*» (ПВЛ. С. 14). Переговоры заканчиваются известной развязкой – Аскольда и Дира казнят как узурпаторов. Двойственное число оказывается на месте при произнесении приговора в ПВЛ: «и рече Олегъ Асколду и Дирови: “Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа”». В Н1мл заменяющий Олега Игорь обращается к одному (!) Аскольду: «вы нѣста князя» и т.д. (НПЛ. С. 107).

Конфликтная ситуация в целом характерна для эпохи урбанизации. Городские общины (коммуны городов Западной Европы) не были объединены кровным (племенным) родством: преодоление этих конфликтов требовало договорных отношений, скрепленных клятвой (*conjuratio* – см.: Эске 2007; из старой историографии о гильдиях см.: Васильевский 2008. С. 533–537; ср. об универсальности «конъюраций»: Уваров, Попова 2018. С. 23–26; об отличии Новгорода от западноевропейских коммун см.: Штайндорф 2012; Лукин 2022. С. 66–69). В древнерусской традиции подобной клятве соответствовал *ряд*.

Процесс урбанизации повсюду связан со становлением государства, в том числе даннических отношений с подданными (ср.: Васильевский 2008. С. 533–537; Эрс 2019. С. 34 сл., 159–162; С. 327 – о клятве соблюдать договор). Характерно описание даннических отношений руси и славян у Константина Багрянородного: это были отношения «реципрокности» – обмена услугами (*feast of merit*, в терминах социальной антропологии), когда славяне не просто поставляли, а продавали строительный лес руси, чья власть в середине X в. еще была ориентирована на контроль над водными магистралями и сосредоточивалась в Киеве. В этом отношении термин «пактиоты» (от *пактов*, лат. *pactum*), относящийся к славянским данникам у Константина Багрянородного (Константин Багрянородный 1991. С. 44–47, комм. на с. 316), может означать

² К недоразумениям можно отнести конструкцию, согласно которой основоположником династии Начальная летопись считала не Рюрика, а Олега (Зиборов 2016. С. 134 и сл.): первое упоминание Олега в ПВЛ (под 852 г.) относится не к генеалогии русского княжеского рода, а к первому упоминанию Русской земли (при императоре Михаиле III). ПВЛ содержала первое документальное свидетельство о русских князьях – договор Олега с греками 911 г. (заключенный уже при императорах Льве и Александре), но известие хронографа о первом походе Руси на Царьград при Михаиле позволило составителю ПВЛ отнести к его царствованию под 862 г. призвание варяжских князей во главе с Рюриком.

«платящие дань по договору, пакту» (ср. о пакте-договоре: Эксле 2007. С. 129; Эрс 2019. С. 78–79; Уваров, Попова 2018. С. 30). Существенно, что центрами, где формируются эти отношения со славянами-пактиотами, были славянские города – Новгород/Немогард, Смоленск/Милински и т. д. вплоть до центра «всей Руси» – Киева.

В типологическом аспекте при исследовании процессов урбанизации (и не только «в отношении Западной Европы») «особое значение... имеют те группы, которые возникают не на основе родства, а на основе согласия и договора», архаичного устного права (ср.: Эксле 2007. С. 324). На Руси это относится и к разнородному населению древнейших городов, и к власти древнерусских князей, опирающейся на дружину – *русь*. В этом отношении проблемы генеалогии правящего княжеского рода отходили на второй план – ее не сохранило ни предание, ни летописная традиция. Конструкция этих генеалогий связана с позднейшим (XV в.) введением Гостомысла в список новгородских посадников (НПЛ. С. 164), призванным продемонстрировать исторический приоритет новгородской власти над киевской (княжеской) (ср.: Петрухин 2019; Лукин 2022. С. 179–190); последующая (восстанавливающая княжеский приоритет) московская историография возводила род Рюрика к императору Августу.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Англосаксонская хроника / Изд. подг. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010. [Anglosaksonskaia khronika (Anglo-Saxon Chronicle). St. Petersburg, 2010.]
- Васильевский В.Г. Лекции по истории средних веков. СПб., 2008. [Vasil'yevskiy V.G. Lektsii po istorii srednikh vekov (Lectures on the History of the Middle Ages)]. St. Petersburg, 2008.]
- Вилкул Т.Л. Летопись и хронограф: Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. [Vilkul T.L. Letopis' i khronograf: Tekstologiya domongol'skogo kiyevskogo letopisaniya (Chronicle and Chronograph: Textology of the Pre-Mongol Kievan Chronography). Moscow, 2019.]
- Зиборов В.К. Игумен Сильвестр и поп Василий – одно лицо // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. СПб., 2016. С. 133–142. [Ziborov V.K. Igumen Sil'vestr i pop Vasiliiy – jedno litso (Hegumen Sylvester and Pope Vasily Are One Person) // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Vyp. 5. St. Petersburg, 2016. S. 133–142.]
- Конечкий В.Я. Русь Новгородская: первые века. СПб., 2022. [Konetskiy V.Ya. Rus' Novgorodskaya: pervyye veka (Novgorod Rus': the First Centuries). St. Petersburg, 2022.]

- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд. М., 1991. [Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiyey (De administrando imperio). Tekst, perevod, kommentariy / Pod red. G.G. Litavrina, A.P. Novosel'tseva. 2-e izd. Moscow, 1991.]*
- Лукин П.В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. [Lukin P.V. Novgorod i Venetsiya: sravnitel'no-istoricheskiye ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya (Novgorod and Venice: Comparative Historical Essays on the Formation of the Republican System). St. Petersburg, 2022.]*
- Паушто В.Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства // Древнерусское государство его международное значение/ Под ред. В.Т. Паушто и Л.В. Черепнина. М., 1965. С. 34–51. [Pashuto V.T. Obshchestvenno-politicheskiy stroy Drevnerusskogo gosudarstva (The Socio-Political System of the Old Russian State) // Drevnerusskoye gosudarstvo ego mezhdunarodnoye znachenie / Pod red. V.T. Pashuto i L.V. Cherepnina. Moscow, 1965. S. 34–51.]*
- Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995. [Petrukhin V.Ya. Nachalo etnokul'turnoy istorii Rusi IX–XI vv. (The Beginning of the Ethnocultural History of Russia in the 9th–11th Centuries). Moscow, Smolensk, 1995.]*
- Петрухин В.Я. «Начаша владѣти сами собѣ и города ставити»: археология и источники варяжской легенды // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 120–125. [Petrukhin V.Ya. «Nachasha vladѣti sami sobѣ i gorody staviti»: arkhologiiya i istochniki varyazhskoy legendy ("They Began to Rule Themselves and Set Up Cities": Archaeology and Sources of the Varangian Legend) // Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu A.E. Leont'yeva. Moscow, 2018. S. 120–125.]*
- Петрухин В.Я. К происхождению новгородского Гостомысла // Славяноведение 2019. № 2. С. 78–83. [Petrukhin V.Ya. K proiskhozhdeniyu novgorodskogo Gostomysla (To the Origin of the Novgorod Gostomysl) // Slavyanovedeniye 2019. No. 2. S. 78–83.]*
- Петрухин В.Я. В.Т. Паушто о древнерусской практике ряда // ДГ. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 42–50. [Petrukhin V.Ya. V.T. Pashuto o drevnerusskoy praktike ryada (V.T. Pashuto on the Old Russian Practice of Ryad) // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2019–2020 gody: Diplomaticheskie praktiki antichnosti i srednevekov'ya. Moscow, 2020. S. 42–50.] (a)*
- Петрухин В.Я. В.Л. Янин и призвание варягов // Новгородский исторический сборник 19 (29). Великий Новгород, 2020. С. 29–37. [Petrukhin V.Ya. V.L. Yan-*

- in i prizvaniye varyagov (V.L. Yanin and the Calling-in of the Varangians) // Novgorodskiy Istoricheskiy Sbornik 19 (29). Velikiy Novgorod, 2020. S. 29–37.] (6)
- Уваров П.Ю., Попова Г.А. Почему социальные системы западноевропейского средневекового города? // Городские сообщества Западной Европы в Средние века / Под ред. П.Ю. Уварова, Г.А. Поповой. М., 2018. [Uvarov P.Yu., Popova G.A. Pochemu sotsial'nyye sistemy zapadnoyeuropeyskogo srednevekovogo goroda? (Why the Social Systems of the Western European Medieval City?) // Gorodskie soobshchestva Zapadnoy Evropy v Sredniye veka / Pod red. P.Yu. Uvarova, G.A. Popovoy. Moscow, 2018.]
- Хвоцинская Н.В. Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. Т. 33. С. 107–120. [Khvoshchinskaya N.V. Ukrepleniya Ryurikova gorodishcha pod Novgorodom v kontekste noveyshikh arkheologicheskikh izyskaniy (Fortifications of Ryurik Gorodishche Near Novgorod in the Light of the Latest Archaeological Explorations) // Arkheologicheskiye vesti. 2021. T. 33. S. 107–120.]
- Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы круглого стола (Европейский университет в Санкт-Петербурге 20 сентября 2010 г.) / Отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2012. С. 228–241. [Shtayndorf L. Pravil'no li schitat' Novgorod kommunoy? (Is it Correct to Consider Novgorod a Commune?) // Spory o novgorodskom veche: mezhdistsiplinarnyy dialog. Materialy kruglogo stola (Evropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge 20 sentyabrya 2010 g.) / Otв. red. M.M. Krom. St. Petersburg, 2012. S. 228–241.]
- Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М., 2007. [Oeksle O.G. Deystvitel'nost' i znaniye: ocherki sotsial'noy istorii Srednevekov'ya (Reality and Knowledge: Essays on the Social History of the Middle Ages) / Per. s nem. Yu. Arnautovoy. Moscow, 2007.]
- Эрс Ж. Город в Западной Европе в средние века: ландшафты, власть, конфликты / Пер. с франц. Н.Ю. Некрасова. СПб., 2019. [Ers Zh. Gorod v Zapadnoy Evrope v sredniye veka: landshafty, vlast', konflikty (The City in Western Europe in the Middle Ages: Landscapes, Power, Conflicts) / Per. s frants. N.Yu. Nekrasova. St. Petersburg, 2019.]
- Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 205–212. [Yanin V.L. O nachale Novgoroda (On the Beginning of Novgorod) // U istokov russkoy gosudarstvennosti. St. Petersburg, 2007. S. 205–212.]

THE CALLING-IN OF THE VARANGIANS: TRIBAL CONFLICT,
TREATY AND THE BEGINNING OF URBAN LAW

A conflict situation is characteristic of the era of urbanization. Urban communities (communes of West European towns) were not united by blood (tribal) kinship: overcoming these conflicts required treaty (pact) relations sealed by an oath (*conjuratio*); in the Old Russian tradition, such an oath corresponded to a *ryad*. In the typological aspect, when studying the urbanization processes, “special importance ... have those groups that arise not on the basis of kinship, but on the basis of consent and agreement”, archaic oral law (O.G. Oexle). In Old Rus’, this also applies to relations between the multi-ethnic population of the most ancient towns and the power of the Old Russian princes, based on the retinue, the *Rus’*.

Keywords: urbanization, social conflicts, urban community, princes, *ryad*, agreement

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-80-88